

Письмо

Нам дали первый бланк для письма, это был простой листок со множеством инструкций на немецком и несколькими пробелами, которые нужно было заполнить на итальянском. Правая половина листка была предназначена для ответов, и нужно было быть очень внимательным, чтобы не перепутать одну сторону с другой и писать четко, карандашом, над пунктирной строкой, как того требуют международные конвенции, охраняющие гуманитарное право.

Еще нам дали складывающуюся вдвое карточку, заполненную суровыми инструкциями на французском, причем вторая часть этого хитрого почтового механизма, будучи приклеенной должным образом на почтовую посылку, изготовленную согласно нормам, позволила бы указанной посылке отправиться из Италии и совершить путешествие до нашего временного местопребывания.

Капитан Н. сказал мне взволнованно, что речь идет о всего лишь 24 строках, а капитан К. добавил, что если принять во внимание, что нам придется втиснуть в 24 строки кроме всего остального подробные инструкции касательно посылок, то дело сразу же представится в очень серьезном свете. «Надо будет достичь максимальной краткости», - заключил капитан М.

Мы добросовестно взялись за работу, время от времени обмениваясь между собой результатами наших личных изысканий.

Капитан Н., который желал получить новости о доме и о коммерческих делах, поразмыслив соответствующим образом, выдал первую остроумную формулировку: «Новостимне какдома и проходдел». Это была виртуозность лаконичного стиля, и капитан Н. был заслуженно приравнен к капитану К., который, желая, чтобы супруга положила ему в посылку его суконную униформу и все шерстяное обмундирование, предложил такую ловкость: «Посылмне сукноформ и шерстобмун».

Одобрив это, мы принялись рассматривать самую трудную проблему: объяснить в нескольких словах, как собрать крепкую посылку на 5 кг, используя отправленный с этой целью отрывной талон, избегая при этом вкладывать в посылку карты, лекарства, воспламеняющиеся жидкости, но стараясь вложить туда, например, сигареты, табак, ячменную пасту¹ и пшеничную муку.

Работа была не быстрой, но обрадовала достойным результатом:

«Укрепите посылку пятькило с ½ талона посланцелью избегая лекаркарты и воспламеняющиеся. Посылте сигартабак, ячменпасту, пшеничмуку...»

Тогда я припомнил колонки коммерческих объявлений с их жаргоном, но удержался от смеха; напротив, я подумал о тех старых страницах с

¹ Ячменная паста – итальянская еда в виде густого пюре, приготовленная на основе ячменной муки, с различными добавками (*Прим. перев.*)

совершенно свежей ностальгией. О, плотные и серые колонки, вы – со странными словами, разрезанными как будто ножницами скупого телеграфиста – рассказывали нам о сорокалетних девственницах, ищущих отношений целью брака; о машинистках, склонных совершенствованию; о приличном временном жилье; о семейных кроватях, жадно ждущих штатных служащих²; о манящих меблированных комнатах с обогревателями в ванной для административных работников³. О, серые колонки, вы нам рассказывали об автомобилях по очень выгодным ценам, готовых плавно скользить по асфальту вокруг голубых озер; о револьверных токарных станках с волнением ожидаемых в шумных цехах; вы рассказывали об очень порядочных агентствах; об очень выгодных делах, о честных пенсионерах, о предложениях работы. И я, вспоминая о вас из этого огражденного места, после того как столько времени улыбался, читая ваши странные слова, испытываю легкую ностальгию.

О, серые страницы, экстравагантная литература по десять лир за строку, сейчас нахожу, что у вас была своя поэзия. Поэзия полная трепета, мощного ритма: поэзия труда, ритм жизни.

Слушая странные слова, сочиненные для нашего письма, я снова подумал о серой странице коммерческих объявлений и о ритме, который теперь прерван. Сегодня я думаю о совершенно белой странице, до жалости пустой, с единственным объявлением на пять миллиметров, размещенным внизу, маленьким объявлением из всего одной строки безумной и безнадежной: «Мальчик ищет каждый вечер своего папу он далеко».

«Укрепи посылку пятькило с ½ талона посланцелью...»

Я вспомнил о странных словах на последней странице *Corriere* тех далеких времен, а также о машинистке, о семейной кровати и об обогревателе в ванной. Но мне было не смешно, и я сказал, что для меня формулировка подходит и что я тоже ее одобряю. Затем я ушел с собрания и стал заполнять малюсенькими буквами свои двадцать четыре строки. Писал я карандашом над пунктирной линией, как того требуют международные конвенции, охраняющие гуманитарное право:

«Синьора, укрепи посылку пятькило с ½ талона посланцелью избегая лекаркарты и воспламеняющиеся. Посылмне шерстобмун, сигартабак и сухих каштанов. Если же считаешь, что хорошо поджаренные каштаны будут полезны ребенку, не посылай их. У меня все есть. Прошу тебя лишь об одном: чтобы вечером накануне Рождества ты накрыла стол как можно более празднично. Открой забитый гвоздями ящик с посудой и другой, в котором хрусталь; подбери самую красивую скатерть, ту новую, всю в вышитых узорах; зажги все лампы. И приготовь большую Рождественскую елку со

² Штатные служащие – состоящие в штате, имеющие постоянную, не временную работу (*Прим. перев.*)

³ Административные работники – служащие государственных учреждений, не входящих в сферу центральных и местных органов власти (*Прим. перев.*)

множеством свечей, и приготовь аккуратно вертеп⁴ у окна, как в прошлом году.

«Синьора, мне нужно, чтобы ты это сделала. Каждую ночь я мысленно переносусь за колючее ограждение: я знаю, тебе трудно представить мои мысли, которые переносятся через колючий забор. Мысль – это ничтожное дуновение, она не имеет лица: итак, представь себе, что я сам каждую ночь выхожу за ограждение. Представь себе Джованнино легкого как мечта и прозрачного как ветер ясных и морозных зимних ночей.

«Я каждую ночь пользуюсь временем, когда другие спят, вверяю себя воздушному царству и быстро пролетаю бескрайнее молчание чужих земель и незнакомых городов. Подо мной все темно и печально, а я, запыхаясь, лечу в поисках света и покоя. Снова вижу Мадонну на шпиле собора, но улицы и площади уже не те, что были когда-то, и с трудом нахожу наш пятый этаж.

«Синьора, не говори, что я обычный храбрец, который входит в дом через крышу: наоборот, похвали мою осторожность, что не подвергаю себя риску среди обломков лестницы. И потом, так как крыша открыта, это делается быстрее. Узнаю остов наших комнат и отыскиваю наши воспоминания, скрытые под развалинами обрушенных стен. Также и здесь все темно, холодно и печально, и только если луна мне помогает, мне удастся обнаружить на обрывках обоев, которые еще свисают со стен, четкие квадратные очертания и конфигурацию нашей мебели.

«По пустынным улицам шагает только страх в облачении луны. На обрывке обоев бывшей прихожей вижу цветочек. Станный черный цветок с пятью лепестками. Синьора, вспомни, когда Альбертино разукрасил наши комнаты своей шаловливой ручонкой, вымазанной в чернила? Бесполезно пытаюсь отыскать следы радостных дней среди стен кабинета; стен больше нет, а большое здание – это темное нагромождение почерневшего от дыма бетона.

«Бегу из темного молчаливого города, и снова вижу места, где ты, девственница, познала меня, девственника. Но здесь тоже жалкая меланхолия, и я укрываюсь наконец в домишке, где беспорядочно громоздятся мои последние и мои первые вещи. Ты спишь, Альбертино спит, моя мать, мой отец спят.

«Все спят и стараются, возможно, отыскать во снах мое неизвестное далекое убежище. Наша мебель свалена в беспорядке в маленьких комнатах, погруженных в тень, а в пыльных ящиках на чердаке заледенели слова моих книг.

«Синьора, я ищу немного света, немного тепла и покоя, однако нахожу только темноту и холод, и я не могу узнать в темноте лицо моего сына, а на озерах и на пляжах все угасло и заброшено, все затихло, и я снова лечу к ограждению и возвращаюсь на свой соломенный матрас, принося с собой холод в костях пленного номер 6865.

⁴ Вертеп – аллегорическое уменьшенное или миниатюрное изображение евангельской сцены Рождества Христова (*Прим. перев.*)

«Синьора, нужно, чтобы, по меньшей мере, в Рождественскую ночь моя мысль, сбежав за ограждение, могла найти теплый и светлый угол, где можно остановиться. Я хочу много света: хочу снова увидеть ваше лицо, хочу снова увидеть лик прежнего покоя. Иначе, какой смысл быть заключенным?»

Тут я почувствовал, что 24 строки вот-вот закончатся, и прервал письмо. В действительности строк было 138: я заполнил свои 24, затем 24 строки для ответа и еще пять листиков, которые подвернулись поблизости. Я очень аккуратно зачеркнул все и начал снова:

«Синьора, укрепи посылку пятькило с $\frac{1}{2}$ талона посланцелью избегая лекаркарты и воспламеняющиеся. Посылмне шерстобмун, сигартабак...»

Затем я подумал, что вероятно цензура заподозрит в «посылке пятькило» какую-нибудь дьявольскую взрывчатку, и меланхолично пришел к выводу, что, как обычно, когда должен писать домой, никогда не знаешь, что сказать.

Из беседы «Рождество 1943» - лагерь Беньяминово
24 декабря 1943 г.